
В. М. ХВОСТОВ

ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИИ (продолжение)

Вениамин Михайлович Хвостов (1868–1920) – выдающийся ученый и педагог. Окончил юридический факультет Московского университета в 1889 г. Был преподавателем, а с 1899 г. – профессором. После «дела Кассо» вместе с группой профессоров покинул Московский университет и преподавал на Высших женских курсах. Был сопредседателем Московского психологического общества, в 1917 г. пытался создать научный Институт социальной психологии. Занимался вопросами философии истории, методологии обществоведения, этики, психологии, социологии.

Предлагаемая работа представляет не только общий очерк состояния социологии начала XX в., она раскрывает основной круг научных проблем, формулирует основные методологические подходы. В отличие от фундаментальной монографии «Социология» (опубликована только часть I), дает краткое, но целостное представление о круге социологических проблем.

Ключевые слова: общество, человек, общение, закономерность, социальный инстинкт.

Глава III. Физические механизмы духовного взаимодействия людей

Души людей замкнуты и не могут непосредственно сообщаться друг с другом, по крайней мере, в сознательных своих проявлениях. «Чужая душа потемки», – говорит известная пословица, и в изречении народной мудрости выражена великая истина. Содержание чужих мыслей и чувствование само по себе нам недоступны. Мы не можем непосредственно переживать эти процессы, так как нет у нас соответствующих органов восприятия. Наши внешние чувства воспринимают только физические тела, размещенные в пространстве, и их движения, но не непространственные духовные процессы, происходящие в других людях: об этих процессах мы можем только догадываться на основании тех намеков на них, которые содержатся в движениях тел других людей. Мы видим, что окружающие нас люди совершают известные движения или издают известные звуки. Мы наблюдаем, что и наше собственное тело вы-

полняет аналогичные движения и издает похожие звуки. По непосредственному переживанию мы знаем, что этим движениям и звукам нашего тела соответствуют известные духовные переживания, что один звук мы издаем, когда мы чего-либо испугались, другой – когда мы хотим приманить кого-либо к себе, третьим мы обозначаем какой-нибудь предмет или действие. И мы начинаем в том же смысле толковать звуки и движения окружающих нас тел других людей. Мы судим об их духовной жизни по сходству со своей собственной, и другого пути проникновения в чужую психику для нас не существует.

Поэтому наши суждения о других людях всегда неизбежно субъективны и часто вводят нас в заблуждение. Мы не можем понять в других людях того, что сами не пережили хотя бы в слабой степени. Но, с другой стороны, очень часто догадки наши бывают правильны. Ведь люди устроены более или менее однообразно и поставлены в более или менее одинаковые условия жизни. Поэтому естественно, что они начинают производить одинаковые внешние движения при одинаковых духовных переживаниях, что способы внешнего проявления духовных содержаний у них в значительной степени совпадают. Сверх того, люди подражают друг другу, как мы видели, часто совершенно безотчетно и несознательно; процесс взаимного подражания также ведет к тому, что внешние движения людей становятся одинаковыми и выражают одни и те же духовные содержания. Так возникает процесс духовного взаимодействия людей при посредстве их тел и той физической среды, в состав которой человеческие тела как протяженные, пространственные предметы входят. Здесь все сводится к тому, что мы следим за движениями человеческих тел, истолковываем их по аналогии с собственными движениями и отвечаем на них движениями своего тела, которые другие люди также истолковывают по аналогии с собственными движениями. Общение людей между собой происходит при помощи жестов, которые бывают звуковыми или немymi. Звуковые жесты в своем развитии превращаются в то, что мы называем членораздельной речью; но рядом с ними до сих пор сохраняют свое значение и немые жесты, куда относятся разного рода движения рук, игра лица и т. п. В первобытной культуре, когда членораздельная речь словами была еще мало развита, язык немых жестов имел еще большее значение.

При помощи жестов люди понимают друг друга. Но так как этот способ проникновения в содержание чужой духовной жизни очень

несовершенен, то этим же путем они могут обманывать друг друга, вводить друг друга в заблуждение. При изучении социальных процессов следует постоянно иметь в виду, что духовное взаимодействие людей состоит не только в раскрытии перед другими душ, но и в утаивании многого и представлении в ложном свете. Обман и мошенничество играют слишком большую роль в процессе человеческого общения и должны быть постоянно учитываемы социологом.

Так как для общения мы нуждаемся в посредстве физического мира, то на процессе духовного взаимодействия людей сильно отражается прогресс материальной культуры, который приводит к усовершенствованию внешней техники общения. Одним из важнейших исторических событий было появление письменности. Письмо дало возможность людям сообщаться на далеких расстояниях и, сверх того, сообщаться во времени. Трудно сказать, какая сторона письменности сыграла большую роль, но, пожалуй, вторая была еще важнее первой. Ведь при посредстве закрепления на письме результатов работы мысли люди получили возможность из поколения в поколение передавать без искажения и изменения накапливаемый ими запас знаний. При устной передаче духовные содержания неизбежно извращаются и затериваются, делаются жертвой забвения. Письмо привело к тому, что мы можем постоянно находиться в общении с давно умершими людьми, произведения которых были закреплены ими в письменной форме. Это обстоятельство имеет огромное значение для преемственного развития культуры и с социологической точки зрения целая пропасть разделяет народы, обладающие письменностью, от народов, незнакомых с искусством письма.

Видную роль в процессе общения сыграло далее изобретение книгопечатания. Это изобретение дало возможность распространять произведения духовной деятельности сразу большими массами и на больших расстояниях. Таким образом, большие количества людей могли теперь переживать восприятия одинаковых духовных содержаний одновременно. Это привело к усилению таких общественных течений, при которых люди не пребывают в состоянии непосредственной физической близости, как участники толпы, но друг друга не видят и не слышат, и тем не менее переживают одни и те же эмоции и сознают, что они не одиноки в этих переживаниях. Такие массы людей, охваченных одним и тем же настроением, несмотря на отсутствие пространственной близости, и сознающих эту однородность своего настроения, называются публикой, согласно терминологии, предложенной Тардом. Наше время отличается господством именно публики, а не толпы. На такого рода процессах основано со-

здание столь могущественного в наше время общественного мнения. Оно формируется не столько путем изустной агитации и проповеди, сколько путем воздействия на массы людей печатного слова.

Воздействие печати стало особенно сильным, широким и интенсивным, когда появились усовершенствованные пути сообщения и средства передачи известий на расстояния с большой скоростью. Я имею в виду появление пароходов, паровых и электрических железных дорог, телеграфов и телефонов. При наличии таких усовершенствований в технике общения, социальные процессы потерпели сильные изменения. В наше время важные известия распространяются по всему культурному миру с быстротой молнии и широко сообщаются массам при помощи выходящих в огромном количестве экземпляров газет, развозимых с большой быстротой и точностью на большие расстояния.

При таких условиях процесс духовного взаимодействия людей страшно ускоряется, область сношений невероятно расширяется, темп общественной жизни делается все более и более быстрым, другими словами, социальные процессы становятся шире и интенсивнее. Как говорится, общественная жизнь у культурных народов бьет ключом. Общественное мнение по поводу важных событий, волнующих культурный мир, формируется быстро, захватывает своим давлением большие массы людей и становится гораздо большей социальной силой, чем оно было в прежние времена. Все это приводит к тому, что перемещается и центр тяжести в политической жизни. Например, хотя вооруженная сила продолжает до сих пор свое вмешательство в ход политических процессов, но ей все в большей и большей мере приходится считаться с чисто духовным воздействием общественного мнения. Только при этих условиях делается понятным политическое могущество разных общественных организаций, не располагающих вооруженной силой и тем не менее часто решающих своим невооруженным вмешательством важные исторические вопросы. Таковы, например, современные парламенты и всякого рода советы и собрания депутатов. Сила мирной пропаганды в наш век публички часто оказывается гораздо внушительнее, чем всякие иные способы социального воздействия.

Мы знаем, что общество по самому своему существу есть процесс духовного взаимодействия людей; оно принадлежит, таким образом, к числу духовных явлений. В этом смысле можно сказать, что общество непространственно, невидимо, неслышимо и неосязуемо. Общество налицо тогда, когда люди духовно влияют друг

на друга, сообщают друг другу мысли, чувства, волевые решения, и именно в самом процессе этого духовного воздействия одних людей на других и заключается человеческое общество.

Но только что изложенные соображения о самом механизме взаимодействия людей показали, что в этом процессе имеется и физическая сторона. Люди нуждаются в посредстве физического мира, чтобы передавать друг другу содержание духовных переживаний. В этом смысле можно говорить и о телесной, физической стороне общества. Ее составляют все эти внешние условия нашего общения. Сюда входит та земля, по которой люди ходят, тот воздух, который они приводят в колебание, чтобы произносить слова, все те предметы и приспособления, при помощи которых устраиваются пути сообщения и средства сношения, железные дороги, телеграфы и телефоны и т. п. Общественные процессы стоят в тесной зависимости от этих физических условий и предметов. Достаточно вспомнить о том огромном бедствии, которое постигает каждую страну при расстройстве, например, путей сообщения. Если перестают правильно доставляться съестные припасы, начинается голод; если не подвозятся сырые материалы или топливо, останавливаются фабрики и заводы; если перестают работать телефоны, в значительной степени расстраивается налаженный порядок деловых и иных сношений между людьми и также могут пострадать важные интересы. Как болезнь тела человека отражается на состоянии его духа, так и расстройство физического аппарата общения влечет за собой расстройство духовного общения между людьми и совместной общественной деятельности.

Но общество все-таки много духовнее отдельного человека. Тело человека стоит в гораздо более тесной связи с психической жизнью индивида, чем то, что мы предлагаем называть телом общества. Это сказывается уже в том, что отдельные члены общества все-таки не связаны механической неподвижной связью между собой и могут пребывать в интенсивном общении, находясь на очень далеком расстоянии друг от друга. Чтобы быть деятельным гражданином и участвовать в жизни своего народа, нет нужды непременно пребывать на той территории, которую занимает этот народ. Можно постоянно проживать за границей и тем не менее поддерживать усиленные сношения со своим отечеством, принимать самое активное участие в общих судьбах своих соплеменников. Вот почему нельзя считать телом общества только ту площадь земной поверхности, на которой большинство его участников по-

стоянно проживает и где разыгрываются общественные процессы, составляющие жизнь этого общества. Подобная мысль высказывалась в социологической литературе. Некоторые социологи предлагали, например, телом государства считать его территорию, из которой получают питание живущие в государстве люди, по которой они передвигаются и при помощи которой они общаются. Но это неверно даже для такого союза, как государство, которое для своего бытия действительно предполагает наличие постоянной определенной территории. Дело в том, что, как мы видели, все-таки и члены государства не остаются привязанными к его территории и могут оставаться в духовном общении с соотечественниками, даже проживая вне территории отечества. Да и питание свое члены государства вовсе не целиком получают из собственной территории при наличии развитого международного обмена. Если это положение оказывается, таким образом, неверным для государства, то еще в большей степени неприложимо оно к другим видам общества. Есть такие общественные союзы, которые вообще не имеют постоянной территории или постоянного местожительства. Такие обширные социальные союзы, как современные церкви, не нуждаются в территории. Христианская церковь объявила себя вне национальных и государственных границ. Ее члены разбросаны по разным странам и народам. То же самое относится к таким религиям, как буддизм или магометанство. Не имеют территории и определенного местопребывания, с которым они были бы неразрывно связаны, такие виды обществ, как ученые общества, женские союзы, рабочий интернационал и т. п.

Если же союз связан с определенной территорией, то ее свойства, конечно, получают социальное значение. Территория придает общественным отношениям устойчивый характер и в значительной степени содействует индивидуализированию данного союза, выделению его из всех остальных. Для жизни государства территория получает важное статическое и динамическое значение, то есть от ее свойств зависят жизнь государства в каждый данный момент времени и ее последовательные изменения. Государственная власть подчиняет себе всех людей, живущих на территории государства, со включением иностранцев, но зато не может повелевать за пределами своей территории; за этими пределами начинается уже область международных отношений и соглашений. Оборона государства зависит в значительной степени от свойств территории: чем эта территория имеет более правильную форму, геометрическую,

приближается к фигуре круга или квадрата, тем легче ее защищать, так как протяженность пограничной линии при этом сравнительно меньше, чем при неправильной конфигурации территории. Обширное государство часто находит себе защиту именно в своей обширности. Россия часто спасалась от вражеских нашествий именно своим колоссальным пространством. Обширная и разнообразная территория дает возможность стране представлять своей промышленности собственное сырье для обработки, и в этом состоит большое преимущество таких стран, как Северо-Американские штаты или Россия, перед такими, как маленькая Бельгия. Огромное значение имеют и другие свойства территории, ее географическое положение, степень близости к морю, устройство поверхности, климат, флора и фауна. К этим вопросам нам еще придется вернуться.

Не только заселенные местности имеют значение в социальной жизни, но и пустые места. Пустыни разъединяют и разобщают людей. Пустые, незаселенные полосы земли могут служить и местом нейтрального общения для членов различных общественных союзов. Поэтому во время военных перемирий часто оставляют особую нейтральную зону, на которой свободно могут показываться участники обеих враждебных армий.

Внешние чувства, при помощи которых мы воспринимаем предметы окружающего физического мира, получают также известное социологическое значение. Ведь только при их помощи мы знакомимся с движениями людей, на основании которых догадываемся об их духовных переживаниях. Германский социолог Зиммель выяснил роль, которую играют различные внешние чувства в процессе общения. Он указывает на то, что зрение не только дает нам новые содержания, но его орган – глаза – и сам кое-что о нас сообщает окружающим людям. По выражению глаз люди могут судить о нашем духовном состоянии. Ухо, напротив, только берет впечатления из окружающего мира, ничего ему не давая, и притом вынуждено брать все, даже то, чего мы не желаем слышать; мы можем закрыть глаза, чтобы не видеть чего-нибудь, но гораздо труднее нам оградить себя от слуховых впечатлений. Притом то, что дают нам глаза, имеет совсем не то содержание, которое дает нам слух. Суждение о человеке меняется, смотря по тому, знаем ли мы только его лицо или же имеем возможность слышать его голос и с ним беседовать. Обоняние играет меньшую роль в процессе общения, чем зрение и слух; притом оно более разъединяет, чем соединяет людей, так как мы лучше воспринимаем неприятные, отталкивающие запахи, чем

приятные. Если от человека дурно пахнет, это в значительной степени затрудняет общение с ним других людей. Расовые запахи являются одним из источников расовой ненависти и разобщения.

Глава IV. Человеческие расы

Исторические судьбы различных человеческих обществ далеко не одинаковы. Есть группа народов, которой удалось далеко продвинуться по пути культурного развития и которая поэтому заняла доминирующее положение в истории и является главным предметом внимания и со стороны ученых. Это – народы европейские, к которым не так давно присоединились еще обитатели Америки и Австралии. Имеются, далее, народы, которым привелось создать оригинальную и довольно высокую культуру в давно минувшие времена; но затем эти народы как будто остановились в своем развитии и перестали играть видную роль в историческом процессе. Таково положение Китая и Индии. История показывает нам, что иногда народы, создавшие великие произведения культуры, затем совершенно сходят с лица земли. Такая участь постигла древних вавилонян, египтян, римлян и даже греков, потому что современные греки весьма мало общего имеют с античными. Наконец, есть и такие группы людей, которые никогда не выходили из дикого состояния, и в наше время оказываются столь же некультурными, какими были спокон века. Сюда принадлежит большинство чернокожих и краснокожих обитателей Азии, Африки, Америки и Австралии; культуры, созданные представителями этих человеческих групп, вроде культуры Мексиканского и Перуанского государств в Америке, составляют редкое исключение.

Естественно, возникает поэтому вопрос: одинаковы ли люди по самой своей природе? Не следует ли между ними различать отдельные породы, подобно тому как породы различаются между другими животными, например, между собаками? Быть может, есть человеческие разновидности, способные к общественному развитию, и есть такие, которые по самым природным своим свойствам обречены на общественный застой? Отрицать основное единство человеческого рода, конечно, не приходится. Оно следует уже из того, что все люди могут вступать между собой в брачные отношения и производить потомство. Никаких природных препятствий к скрещиванию не имеется. Но это не помешало бы тем не менее различать среди людей отдельные разновидности с точки зрения их социологических задатков.

И действительно, существует немало социологов и историков, которые считают весьма важным фактором общественной жизни так называемый расовый фактор. Они полагают, что люди по природе разделяются на отдельные расы, представители которых отличаются друг от друга особенностями в самом строении и отправлениях организма и что эти расовые различия налагают отпечаток на исторические судьбы людей. Есть расы, более способные к культурному развитию, высшие расы, и расы менее способные или совсем неспособные, низшие расы. Появилась целая наука, антропология, которая ставит своей задачей систематическое изучение подобных особенностей людей и систематизацию человеческих рас.

Приходится, однако, констатировать, что до нашего времени изыскания в этой области не дали таких результатов, которыми мог бы в широкой степени воспользоваться социолог. Естествоиспытателям не удалось решить важного вопроса о том, лежит ли в основе происхождения человеческого рода моногенизм, то есть появился ли человек первоначально в одном каком-либо месте, так что все люди происходят от одних общих предков, или же люди появились в разных местах и, может быть, даже в разное время, так что уже по происхождению они не представляют из себя единства. Вопросы о происхождении животных видов пока еще не исследованы биологической наукой в такой мере, чтобы она могла дать ответ на подобную проблему.

Когда ученые обращаются к изучению современного человечества, то результаты получаются также не особенно определенные. Делались разные попытки классификации рас. Наиболее старой является попытка разделить людей по цвету кожи. Это различие, в самом деле, особенно бросается в глаза. Его держался один из основателей биологической систематики Карл Линней; ему же следовал видный зоолог на рубеже между XVIII и XIX столетиями Кювье. Но и в этом случае ученые расходятся между собой в выводах. Одни различают, как Линней, четыре основных расы – белых европейцев, желтых азиатцев, красных американцев и черных африканцев, которые награждаются и различными социологическими свойствами; так, по Линнею, европейцы управляются на основании законов, азиатцы – посредством мнений, американцы – на основании обычаев, африканцы – посредством произвола. Кювье довольствуется тремя расами: белой, желтой и черной, которые выводятся им от трех сыновей Ноя. Подобные разногласия не должны нас удивлять. Более тщательное изучение показало, что на основании

цвета кожи очень трудно произвести строгое разделение человеческих рас. Оказывается, что между различными оттенками цвета существует такая масса переходов, что резко отделить их друг от друга невозможно. Сверх того, цвет кожи меняется под влиянием изменений в географической обстановке и в образе жизни. Наконец, классификация по цвету кожи сама по себе мало представляла бы интереса для социолога, потому что очень трудно уловить какую-нибудь связь между цветом кожи и социальными свойствами людей, большей или меньшей их способностью к культурному развитию. Те сопоставления, которые делал Линней, совершенно произвольны, неясны и неубедительны. Такой же характер имеют и дальнейшие попытки в том же направлении. История говорит нам, правда, что до сих пор наибольшие способности к социальному строительству проявили представители белой расы; желтым удалось создать государства, как будто остановившиеся в своем развитии – Китай; что же касается черных негров, то их достижения в этой области минимальны. Но мы совершенно не видим, в какой же связи все эти факты стоят именно с цветом кожи, а потому не можем быть уверены, не являются ли они результатом исторической случайности и не переменятся ли в будущем развитии роли различных цветных человеческих групп. История нового времени показывает, например, что желтые расы как будто выходят из состояния покоя; Япония быстро усвоила себе плоды европейской культуры, в Китае происходят бурные революционные движения, результаты которых пока неизвестны. Может быть, именно этим расам придется в будущем играть видную историческую роль? Ничего определенного не можем мы сказать и о будущем черных негров.

Другие исследователи обратили внимание на форму человеческого черепа и пытались построить классификацию рас на основании этого критерия. Шведский анатом Рециус предложил полагать в основу соотношение длины и ширины черепа и форму лицевого угла и с этой стороны делить людей на длинноголовых – долихоцефалов – и короткоголовых – брахицефалов, – различая между ними, сверх того, людей с выдающимися челюстями – прогнатических – и с более тупым лицевым углом – ортогнатических. Эта классификация обратила на себя внимание и ею много занимаются современные антропологи. Но и здесь результаты пока получаются довольно неопределенные. Оказывается, что черепа одной и той же формы встречаются в самых различных уголках земного шара, а в то же время среди представителей одного и того же народа можно

найти черепа различной формы. Самое же главное для социолога то, что до сих пор не удалось установить определенной зависимости между формой, величиной и вместимостью черепа и характером духовных свойств людей, а это и есть самое главное в историческом и социологическом отношении.

Предлагались и иные критерии разделения рас. Так, указывали на то, что волосяной покров у людей обладает различными свойствами. Фридрих Мюллер предлагал делить людей на шерстистоволосых, пучковолосых, руноволосых, прямоволосых, кудреволосых. Ясно, что подобные классификации не могут иметь социологического значения. В самое последнее время встречаются попытки поставить классификацию рас в связь с различиями, которые наблюдаются в составе крови, то есть на физиологическую основу. Исследования в этом направлении только еще начинаются и неизвестно, дадут ли они результаты, ценные для социолога.

При таком положении вопроса в антропологической науке совершенно очевидно, что все попытки положить расовый фактор в основу социологии и философии истории являются преждевременными. Между тем такие попытки делались в разное время. Уже Аристотель в своей «Политике» проводил различие между народами северными, преисполненными мужества, но не отличающимися сильным интеллектом, народами Азии, обладающими развитым интеллектом, но лишенными мужества, и эллинами, сочетающими в себе все достоинства и потому по природе предназначенными ко властвованию над другими людьми. В том же духе рассуждал в XVI в. француз Боден. В наше время граф Гобино выступил с теорией, согласно которой только белая раса и притом в чистом виде способна к культурному развитию; поэтому Гобино видел великую опасность для человечества в том, что чистота белой расы в истории ослабевает. Другие социологи и историки пытаются объяснить исторические процессы борьбой долихоцефалов и брахицефалов, причем почему-то особенной любовью пользуются обыкновенно блондины долихоцефалы, в которых видят исключительных носителей прогрессивного начала. Подобные учения в большом ходу были в новейшей Германии, и превосходство германской культуры перед всеми остальными часто объяснялось расовыми преимуществами германцев. Наконец, есть социологи, которые пытаются свести общественную эволюцию к борьбе и взаимодействию рас, не определяя в точности, что именно они понимают под расами;

такой неопределенностью страдает теория известного австрийского социолога Гумилевича и его учеников.

Приходится признать, что мы слишком мало знаем в этом отношении, чтобы придавать расовому фактору видную роль в социологии. Неудивительно поэтому, что многие социологи совершенно не считаются с расовым фактором и даже вполне обходят его молчанием. Другие же ученые и мыслители даже принципиально высказываются против учения о расовом неравенстве людей. Они утверждают, что люди по природе более или менее равны и что всякого рода соматические (телесные) различия между ними слишком ничтожны для того, чтобы в зависимость от них ставить решение об исторической роли той или иной группы. Если до сих пор люди разного цвета кожи играли не одинаковую историческую роль, то это было результатом сложных исторических причин, а вовсе не расового различия. Одни оказались поставленными в более благоприятные условия, другие – в менее благоприятные. С изменением исторической обстановки существенно изменятся и результаты. Попытки же поставить истолкование истории на расовую основу, на почву учения о неравенстве людей вызваны совершенно ненаучными соображениями, по мнению этих защитников равенства людей. В их основе лежат расовая вражда и расовый предрассудок.

В довольно близкой связи с расовой проблемой стоит женский вопрос. В этом случае речь идет также о неравенстве людей, вызываемом различиями в строении и отправлениях организма. История нам показывает, что половые различия не остаются без влияния на социальные процессы. В течение всей истории мы видим, что общественное положение и историческая роль мужчин и женщин далеко не одинаковы. На широкой арене истории выступают почти исключительно мужчины. Социальная деятельность женщин замкнута в сравнительно узкие общественные союзы, какими являются семья и род. В области же государственной деятельности женщины выступают очень редко и имена их не часто фигурируют в политической и культурной истории. Невольно возникает вопрос, не стоит ли такое положение вещей в связи с половыми различиями и не предопределяют ли эти различия и на будущее время неодинаковую роль женщин и мужчин в историческом процессе? И этот вопрос в наше время вызывает большие разногласия. И здесь сторонники принципиального неравенства людей защищают положение, что по самой своей природе женщины предназначены совершенно к иной общественной роли, чем мужчины. Все по-

пытки женщин изменить свое положение в обществе и сделаться равноправными с мужчинами, получить доступ к профессиям и занятиям, которые до сих пор находились в руках мужчин, эти ученые считают противоестественными и обреченными на неудачу. Если же женщинам все это удастся, то от этого только пострадает культурное развитие. Женщина должна действовать по-прежнему в узком семейном кругу и не претендовать на иную роль, кроме роли матери и воспитательницы своих детей, подруги и помощницы своего мужа. Напротив, крайние сторонники равноправия утверждают, что никакого социологического значения анатомические и физиологические различия полов не имеют. Исключительно исторические условия, господство в общественных отношениях грубой мускульной или вооруженной силы заставило женщин в прежние времена отказаться от более видной общественной и политической роли. В будущем же женщины завоюют себе полное равноправие, и тогда социально-политическая роль представителей того и другого пола станет совершенно одинакова.

Я думаю, что в данном случае истина лежит посредине и не разделяю ни того, ни другого крайнего взгляда. Женщины и мужчины, как мне кажется, не похожи друг на друга не только в анатомическом и физиологическом отношении, но и в своих духовных свойствах. У женщин есть свой половой темперамент, сложившийся применительно к той физиологической функции – деторождению, выполнение которой присуще только женщинам; этот темперамент кладет свой отпечаток на все духовные свойства женщины и делает типичную женщину во многом непохожею на типичного мужчину. Эти различия и являются основной причиной того, что женщины и мужчины до сих пор играли неодинаковую роль в общественных процессах. Но так как они неизгладимы, то и в будущем социально-политическое значение женщин будет не таково, как значение мужчин. Однако из этих посылок я не делаю выводов против женского равноправия. Я убежден, что различие в духовных особенностях не помешает женщинам сильно расширить круг своей общественно-политической деятельности и с успехом заниматься многими профессиями, которые до сих пор были исключительным достоянием мужчин. Но женщины во всех этих областях внесут в культурное развитие нечто свое, женское. Расширение сферы общественного влияния женщин приведет к тому, что во всей культуре усилится значение женского элемента. Культура утратит преимущественно мужской характер, которым она отлича-

лась до сих пор, и станет культурой общечеловеческой в полном смысле слова. Мужскими профессиями женщины будут заниматься по-своему и таким образом скажут человечеству свое новое слово. То женское влияние, которое до сих пор благотворно сказывалось в узких областях семейной жизни, теперь скажется в более широком масштабе и выявится в более наглядных объективных результатах.

Сравнительная филология установила наличие лингвистических групп, то есть больших групп народов со сходными по строению языками. В этом смысле различаются языки малайско-полинезийские, дравидские, урало-алтайские, южноафриканские, американские, семитические, арийские. В истории Европы имеют преобладающее значение языки арийские или индоевропейские, которые, смотря по произношению слова «сто», делятся на две группы: группу «сатем», в которую входят индусы, персы, армяне, славяне, литовцы, и группу «кентум», к которой относятся греки, римляне, кельты, германцы. К семитической группе, которая также сыграла видную роль в истории, принадлежат евреи, финикияне, египтяне, ассирийцы, арабы. Весьма возможно, что образование лингвистических групп стояло в связи с расовыми различиями. Но язык меняется легче, чем анатомические и физиологические свойства. Постоянно происходит процесс заимствования слов одним языком у другого. Народные группы, перемешиваясь вследствие переселений и завоеваний, также усваивают себе чужие языки: победители могут навязать свой язык побежденным или, наоборот, переселенцы начинают говорить на языке той местности, в которую переселяются. Поэтому по близости языков нельзя еще судить о расовой близости людей.

Точно так же в довольно отдаленной связи с расовым вопросом стоит вопрос о национальностях. Национальность есть продукт исторического процесса. Состоит она в том, что масса людей, переживая одни и те же исторические судьбы в одних и тех же географических условиях, вырабатывает ряд духовных особенностей, которые сказываются затем на массовых процессах. Каждая сложившаяся национальность по-своему реагирует на исторические события, по-своему ведет себя в своих исторических судьбах. Если сравнивать между собой истории различных европейских народов, при всей общности культуры, которая создана европейским миром, сразу заметны несходства характеров таких сложившихся народов, как англичане, французы, немцы, русские и т. д. Особенности народных характеров вырастают постепенно. Современные народ-

ности Европы сложились окончательно сравнительно недавно. В раннем Средневековье еще не приходится говорить о немцах, французах, англичанах как об особых национальностях. Долго происходит процесс брожения, в течение которого из разнообразных элементов, брошенных в котел истории, выплавляются определенные облики различных европейских народов. Только в самое последнее время национальный вопрос выдвинулся на первый план. Он стал играть видную роль в течение XIX в., когда происходит борьба многих национальностей за свою независимость и политическое объединение. Так возникает современная Греция, единая Италия, единая Германия. Все эти национальности происходят от смешения различных элементов в весьма прихотливых сочетаниях, а потому в прямую связь с делением человечества на расы, отличающиеся различием в анатомическом строении тела и в физиологических отправлениях, поставлены быть не могут. Нельзя указать также и тех объективных признаков, в которых непременно должны проявляться духовные особенности национальностей; такими признаками не являются ни язык, ни религия, ни политическая организация. Национальность может сохраняться и при потере народом политической независимости и раздроблении его между разными государствами; это показывает судьба польского народа, который к началу XIX в. утратил свою политическую самостоятельность, но это обстоятельство только способствовало оживлению духа национальной самобытности. Национальность проявляется просто в известных особенностях мышления, чувствования и волеия, которые отражаются на поведении народных масс и влияют на ход исторических событий. Национальные особенности объективно могут проявляться и в политических учреждениях, и в языке, и в нравах, и в религиозной жизни, но трудно сказать в общей форме, в какой именно области социальной жизни они найдут наиболее яркое выражение у того или иного народа.

Глава V. Географическая среда

Внешняя природа, среди которой разыгрываются общественные процессы, имеет большое влияние на их ход. Географическая среда, по-видимому, гораздо разнообразнее, нежели природные различия людей, и потому является фактором, который и в историю народов вносит большое разнообразие, индивидуализирует историю в сильной степени. Неудивительно поэтому, что уже с давних пор ученые обратили внимание на значение географического

фактора в истории. О нем пишут в античной древности Геродот, Гиппократ, Аристотель, Страбон. На нем останавливает свое внимание арабский социолог XIV в. Ибн-Халдун. Большое значение придают географической обстановке Боден в XVI столетии, Монтескье и Гердер в XVIII в. Но на научную почву исследование этого вопроса было поставлено только в XIX в. Карл Риттер положил начало науке, которую он назвал «сравнительным земледелием»; задача этой науки состоит в том, чтобы путем сравнения выяснять сходства и различия в географической обстановке и таким образом получать материал для известных обобщений в этой области. В настоящее время усиленно разрабатывается «антропогеография», то есть наука, имеющая своей целью выяснить всесторонне отношения между человеком и окружающей его внешней природой. Фридрих Ратцель является видным представителем этой науки в Германии, Элизе Реклю – в романской литературе.

Самый поверхностный обзор всемирной истории на каждом шагу наталкивает нас на влияние географической обстановки. Культура легче зарождается в странах с мягким климатом, изобилующих дарами природы. Недаром древнейшее возникновение культуры наблюдается в таких странах, как Индия, Вавилония, Египет. При этом мы видим, что в географической обстановке знойной Индии индоевропеец стал в значительной мере не тем человеком, каким мы его наблюдаем в Европе. Политическая жизнь Индии с ее замкнутыми кастами, созданные индусами религиозные системы, как браманизм и буддизм, проникнутые ярко пессимистическим характером и стремлением к отрешению от жизни и погружению в нирвану, в небытие, резко отличаются от соответственных сторон европейской культуры. История Египта есть в значительной степени история реки Нила. Нил со своими регулярно наступающими разливами сделал возможным правильное и обеспеченное земледелие в плодородной речной долине, и это обстоятельство было главной причиной, облегчившей раннее возникновение высокой культуры. И дальнейшая история Египта определяется заботами населения о регулировании течения и разливов Нила. Культура Ассирии и Вавилона есть культура «междуречья»; она определяется течением Тигра и Евфрата. Судьба древних финикиян определилась их приморским положением. Архипелаг Ионийского моря явился тем местом, где благодаря особо благоприятным условиям зародилось оживленное мореплавание; оно облегчалось именно тем, что острова архипелага разбросаны на небольшом рас-

стоянии друг от друга, которое нетрудно переплывать на самых примитивных судах. История Греции определилась, с одной стороны, ее географическим положением между Европой и Азией, с другой – устройством ее поверхности: эта страна, изрезанная вдоль и поперек горными хребтами, не могла создать единого государства и все время распадалась на небольшие территории самостоятельных государств-городов, соперничавших и враждовавших между собой. Напротив, Апеннинский полуостров по географическим условиям был очень благоприятной почвой для образования единого государства, которое, будучи расположено посередине Средиземного моря, затем распространило свое господство на весь тогдашний культурный мир. После падения Западной Римской империи культурная жизнь и творчество перемещаются на север Европы. Эти страны были менее пригодны, чем южные, для зарождения культуры, но оказались при своем умеренном климате особенно благоприятными для дальнейшего развития зародившейся на юге и перенесенной на север культуры. В умеренном климате человек не так изнеживается, как в теплом, и потому оказывается более бодрым и предприимчивым. В то же время этот климат не ставит для культурной деятельности таких почти непреодолимых препятствий, как климат полярных стран, чрезмерно сухих пустынь или чрезмерно сырых и дождливых местностей. В наше время именно умеренные страны оказываются главными создателями мировой культуры. Первоначально культурная жизнь группировалась около двух внутренних морей Европы: к Средиземному морю, которое было средоточием античной истории, прибавилось Балтийское море. Затем в истории стали играть видную роль океаны, сперва Индийский, затем Атлантический, в последнее время выдвигается значение Великого Океана. Вместе с тем культура постепенно из европейской становится мировой. В культурную жизнь и общение втягиваются народы не только близких к Европе по духу и по происхождению своего населения Америки и Австралии, но и народы Азии, каковы японцы и китайцы. Великая война 1914–1918 гг. была первым крупным событием истории, разыгравшимся во всемирном масштабе. Возможно поэтому, что наши потомки именно эту войну будут считать новой эрой в истории, когда кончилась история европейского мира и началась в полном смысле слова Всемирная история.

Приглядываясь к географической карте, мы должны отметить, прежде всего, неравномерное распределение по земной поверхности суши и моря. Суша занимает всего 28 % этой поверхности, то-

гда как на долю морей и океанов приходится вместе с арктическими странами 72 %. Затем все это крайне неравномерно распределено между полушариями: большая часть суши приходится на долю Северного полушария, тогда как в Южном преобладают моря. Это приводит к тому, что в истории главную роль играет и, вероятно, всегда будет играть Северное полушарие. Такое распределение суши и воды, конечно, имеет свои причины, которые современной наукой не выяснены окончательно. Предполагают, что оно стоит в связи с процессом остывания земного шара, при котором земля сплющивалась не в виде правильного шара, но несколько приближалась к форме тетраэдра, выступы которого приходились в Северном полушарии и послужили основанием для расположенных своими основаниями к северу больших материков (так называемые географические гомологии Грина).

Внешняя природа воздействует на человека разными своими сторонами. Особенно много всегда писали о влиянии климата на человека. И действительно, климат оказывает на людей прямое воздействие. Полярный климат требует совсем иной пищи, чем теплый; эскимосы поглощают огромное количество пищи, особенно жира, о котором не имеет никакого представления житель южных стран. Климат высоких гор ведет к особенному расширению грудной клетки. Полутемные горные долины создают предрасположения к таким заболеваниям, как зоб и кретинизм. В очень сырых местностях европейцы совсем не могут акклиматизироваться. От климата в значительной степени зависит окраска человеческой кожи.

Но большее значение в истории имеют не такие прямые влияния географических факторов, а влияния непрямые, которые состоят в том, что географические условия влияют на занятия и образ жизни людей, а эти факторы уже влияют на их духовные свойства. В этом отношении в истории играют роль самые различные стороны внешней природы. Большое значение для истории каждой страны имеет самое географическое ее положение. Уже выше было отмечено значение этого обстоятельства для истории Древней Греции и Италии. История России в значительной степени определилась тем, что России суждено было стать форпостом европейской культуры перед натиском азиатских кочевников. Южнорусские степи представляют собой, по выражению Ключевского, клин, вбитый Азией в Европу; по этому коридору все время проходили из Азии орды кочевников, и России главным образом приходилось выдерживать их натиск. Пока Европа занималась развитием своей куль-

туры, русским приходилось просто обороняться, и это привело к культурной отсталости России. В дальнейшем русская история в значительной степени зависела от расположения речных бассейнов. История Киевской Руси есть история реки Днепра, подобно тому как история Египта есть история Нила. Днепр был главной артерией торгового пути «из варяг в греки», и жизнь Киевской Руси как торговой страны, естественно, сгруппировалась около этой реки. Напротив, в Руси Суздальско-Московской такого естественного географического центра не было; здесь имеется несколько довольно независимых друг от друга речных бассейнов, и это было обстоятельством, благоприятным для развития удельного строя. Москва стала центром объединения Руси в значительной степени благодаря своему географическому положению, которое делало из нее и ее области сравнительно безопасный от набегов уголок России. Большое значение в истории каждого народа имеет, далее, положение занимаемой им территории относительно моря и характер береговой линии. Жизнь приморских народов складывается иначе, чем жизнь континентальных, а жизнь народа, занявшего большой остров, вроде англичан, конечно, не может во всем совпадать с жизнью стран, жители которых часто всю свою жизнь моря даже не видят.

Если моря и реки в истории играют роль главным образом средств сообщения, которые объединяют людей и облегчают их общение, то горы, напротив, разъединяют. История Швейцарии группируется около ее горных проходов. Культура горцев отличается многими особенностями от культуры жителей равнин. В горах жить труднее, и борьба за существование получает здесь более острый характер. Недаром жителям Швейцарии приходилось промышленять службой в чужих странах в качестве наемных войск; к этому их побуждала скудная природа родной страны. В особенности же разъединяют людей дремучие леса и болота. Напротив, степь создает культуру, во многом отличную от культуры лесистых и обильных водою местностей. Степь является обыкновенно прибежищем кочевников-скотоводов, образ жизни которых и характер резко отличаются от свойств оседлых народов. В истории кочевники выступают в роли мировых разбойников. Они отличаются подвижным беспокойным нравом, оказываются большими любителями набегов с целью грабежа. Часто такие набегі полагают начало образованию государств с сильной властью военного типа; это бывает в том случае, если кочевники, покоривши мирный земледельческий народ, не уходят обратно с добычей, но остаются на

месте, заставляют покоренных работать на себя, а чтобы держать их в повиновении, вырабатывают особую принудительную организацию и таким образом полагают начало государству с принудительной властью и ярко выраженным сословным делением.

Люди не только стоят в зависимости от окружающей их природы, но и сами воздействуют на эту природу, перерабатывают ее, создают то, что называется материальной культурой. В результате такого воздействия географическая обстановка может сильно измениться. Так, климат России значительно изменился благодаря массовой вырубке леса. Климат стал суше, реки начали мелеть, во многих местах свodka леса освободила сыпучие пески, которые стали двигаться с холмов и заполнять прилегающие равнины. И вообще внешняя обстановка современных культурных стран с их обработанными полями, урегулированными реками, сетью соединительных каналов, искусственными плотинами, железными дорогами, телеграфными и телефонными линиями, расчищенными лесами совершенно не походит на прежнюю природу тех же местностей. Таким образом, природа выступает в истории не только как фактор устойчивости и однообразия, но и как фактор изменения, подвергаясь сама изменениям со стороны людей.

Было бы ошибкой думать, что в течение истории связь человека с природой ослабевает. Ослабевает только зависимость человека от природы, уступающая место его власти над ней. По мере накопления знаний люди обращаются в господ окружающего их мира. Но самая связь с природой только увеличивается и становится более всесторонней. Дело в том, что именно прогресс знания дает возможность людям использовать все более и более разнообразные стороны внешнего мира. Пока люди не были знакомы с искусством выплавки металлов, для них не представляли интереса залежи разных руд; долго не имел ценности и каменный уголь; в наше время, с развитием техники передачи энергии на расстояния, получает большое значение для людей сила падения воды; в будущей культуре предвидится широкое использование водопадов в качестве двигательной силы; начинают говорить о «белом угле», то есть о силе падения воды как о ресурсе, который возместит исчерпывающиеся запасы черного каменного угля. Народы делятся на культурные и некультурные именно в зависимости от того, главным образом, насколько они умеют использовать в своих целях окружающий их внешний физический мир и закреплять на письме результаты работы своего знания над этим миром. Материальная

культура не только делает жизнь людей более легкой, безопасной и удобной. Ее развитие в значительной степени ведет и к уравниванию условий их жизни. В прежнее время жилища богачей и бедняков гораздо больше отличались друг от друга, чем теперь, когда и люди с очень скромными заработками могут жить в домах с центральным отоплением, искусственной вентиляцией и проведенной водой. В прежние времена, когда путешествия совершались на лошадях, богатые люди передвигались верхом или в каретах, а бедняки должны были ходить пешком. В наше время и те и другие ездят по железным дорогам, причем, конечно, разница между I и III классом не так чувствительна, как разница передвижения пешком или в конном экипаже. В прежнее время только большие богачи могли питаться белым хлебом; теперь этот хлеб составляет обычную пищу западноевропейского рабочего.

Природа является фактором изменчивости не только в тех случаях, когда она перерабатывается человеком, но и при переселениях людей. Переселения всегда были важным социологическим фактором. В древности обычным явлением были массовые передвижения людей, вызываемые разными причинами. Иногда они вызывались поисками лучших мест; при слабом развитии материальной культуры размножившимся людям скоро становилось тесно жить на одном и том же месте; они не умели из той же площади земли извлечь большее количество продуктов, которое могло бы прокормить увеличившееся население. Поэтому известному количеству людей приходилось выселяться и искать новых мест. Иногда переселения вытекали из политических причин. Нередки в древней истории случаи, когда завоеватели целыми массами переселяют покоренное население на новые места. С развитием торговли появилась новая причина передвижений людей. Купцы являются странствующим элементом человечества. В наше время переселения в большинстве случаев не имеют уже прежнего массового характера. Современные народы прочно оселись на своих территориях и сроднились с ними. Поэтому странствующим характером отличаются некоторые элементы этих народов: моряки, купцы, миссионеры и т. п. Тем не менее и в новой истории мы встречаемся с массовыми переселениями, хотя иного типа, чем в древности. Большое значение в истории Европы имели, например, передвижения евреев, которые всюду разносили некоторые особенности своего духа, и, как показал Зомбарт, в значительной степени содействовали развитию современного капитализма. Большую роль не только в рели-

гиозной, но и в экономической жизни Европы сыграли переселения, вызванные религиозными гонениями. Франция потеряла в лице гугенотов крупные торгово-промышленные силы, которыми обогатилась главным образом Пруссия. История Северо-Американских Соединенных Штатов есть в значительной степени история европейской эмиграции.

Переселяясь в новую географическую среду, люди меняются, и иногда весьма значительно. Различие южнорусского и великорусского характеров объясняется не только тем, что к великорусам в значительной степени примешалась финская кровь, но и разницей природы Южной и Северной России. Северная Америка выработала из эмигрантов, которые стекались в нее со всех концов света, довольно однообразный тип «янки». Но не следует преувеличивать роль чисто географического фактора. Он все-таки решающего значения не имеет. Это следует уже из того, что в разные эпохи разные страны играют вовсе не одинаковую роль. Судьбы Греции в античном мире и в современном ничего общего между собою не имеют. То же самое приходится сказать о Нильской долине или об Италии. С другой стороны, один и тот же народ может проживать в различной географической обстановке и сохранять все те же черты своего характера. Лучшим примером служат евреи, которые везде сохраняют свой национальный облик, хотя со времени своего рассеяния, в эпоху так называемой диаспоры, проживают в самых различных географических условиях и среди самых разнообразных условий. По выражению Гердера, климат не принуждает, а только склоняет. Поэтому неправильно было бы разгадку всей истории искать только в географии и создавать односторонний и не покрывающий всего разнообразия социологической причинности географический монизм или географический фатализм.

Глава VI. Движение населения

Население каждой местности почти никогда не остается постоянно в том же самом состоянии. Оно или увеличивается в своей численности, или же уменьшается. Эти явления и составляют то, что называется движением населения.

Уменьшение населения есть более редкое явление и обыкновенно служит показанием бедственного положения. Оно может быть результатом либо понижения рождаемости, либо повышения смертности, либо усиленной эмиграции, либо действия всех этих факторов сразу. Точно так же сравнительно редко приходится

встречаться и с тем, что население долго остается на одном и том же численном уровне, не увеличиваясь и не уменьшаясь. Такое состояние также вызывает обыкновенно тревогу у руководящих деятелей, так как служит признаком понижения жизненной энергии народа. Так, политические деятели Франции в последние десятилетия были очень встревожены таким положением дел в своей стране. Французское население, не желая делать для своих детей более трудной борьбу за существование, сознательно стремилось ограничивать количество рождений, и это приводило к тому, что население Франции не возрастало, тогда как в соседних странах происходил постоянный прирост населения; такое положение прежде всего отражалось на численности армии и уменьшало способность Франции к военной обороне.

Нормальным положением является увеличение численности населения. Этот факт имеет огромные социологические последствия, и есть социологи, которые придают ему чуть ли не самое главное значение при исследовании закономерности общественных процессов. Количественное увеличение группы людей само по себе, помимо воли этих людей, вызывает важные последствия, приводит к изменениям в строении и условиях жизни человеческой группы.

Прежде всего отметим, что все социальные отношения в больших обществах получают качественно совсем иной характер, чем в маленьких. В многочисленной человеческой группе исчезает тот элемент в отношениях людей, который называется интимностью и состоит в том, что люди соприкасаются между собой всеми сторонами своего духовного существа, знают друг друга со всеми индивидуальными особенностями и дорожат именно этими особенностями. Такого рода отношения устанавливаются, например, между членами тесно живущей семьи или близкими друзьями. В больших обществах интимность исчезает. Здесь люди сталкиваются друг с другом не так часто, и сношения их получают более определенное и ограниченное содержание. В большом городе, если оставить в стороне семейную жизнь и отношения близких друзей, люди знают друг друга обыкновенно лишь со стороны той профессии, которой каждый из них занимается. Одно лицо известно мне как чиновник, другое – как учитель, третье – как рабочий и т. п. При таких условиях отношения между людьми проникаются холодным деловым тоном. Они становятся абстрактными, отвлеченными. Каждый человек для другого не составляет цельной и живой человеческой личности, но представляется только известным органом безличного социального целого, в котором он отправляет опреде-

ленную функцию. Теплое отношение людей друг к другу при таких условиях отходит на задний план и выдвигаются внешние, деловые сношения. В то же время самая организация численно большой человеческой группы неизбежно усложняется. Для управления, например, большим государством требуется большое количество должностных лиц, действующих единолично или коллегиально и находящихся в различных степенях подчинения друг другу. Между этими лицами разделены различные дела управления, суда и законодательства, и только все вместе они выполняют работу государственной власти. Такая сложность организации приводит к тому, что ослабляется чувство личной ответственности и инициативы. Каждый сознает, что ведение дела зависит не от него, а от правильного функционирования всей сложной административной машины, и начинает проникаться уверенностью, что он лично очень мало имеет значения, что он не ответствен за общий ход дел. В представлениях людей ведение общего дела падает не на живых людей, но на безличный социальный механизм. На этой почве могут развиваться очень нежелательные явления, каков, например, так называемый бюрократизм. Бюрократизм состоит в том, что должностные лица забывают при своих действиях о тех конкретных жизненных задачах, которые должны удовлетворяться их деятельностью, и начинают выполнять предписанные им занятия как нечто само для себя существующее; они забывают о населении и его нуждах и смотрят на себя как на особый класс общества, который существует для управления, для административной работы, совершенно независимо от тех результатов, которые дает эта работа для населения. В небольших человеческих группах такой бюрократизм развиваться не может, потому что люди здесь слишком близко подходят друг к другу и постоянно напоминают взаимно о своих конкретных нуждах и интересах.

Возрастание населения имеет своим результатом тот факт, что одна и та же территория, на которой живет данная группа, должна прокормить большее количество людей. Если земли много, то это может привести просто к тому, что часть населения выселяется и ищет для себя новые места жительства. Но размножение человечества приводит к тому, что такого рода выход становится все более и более трудным, так как свободных земель делается мало. Сверх того, чем люди делаются культурнее, тем больше у них возникает связей с насыщенными местами, с которыми они сроднились и соединены разнообразными узами, тем труднее для них делается

эмиграция. Тогда наступают весьма важные последствия возрастания густоты населения.

В более густом населении возрастает борьба за существование. Борьба эта направляется прежде всего на окружающий внешний физический мир. Необходимо из того же самого количества земли добыть большее количество продуктов для прокормления лишних ртов. Этого часто удается достигнуть при помощи усовершенствования технических приемов создания материальной культуры. Усовершенствованное земледелие дает больше продуктов, чем слабо развитое; соседняя с нами Германия получает со своей земли втрое больше продуктов, чем технически отсталая Россия. Развитие добывающей и обрабатывающей промышленности дает возможность эксплуатировать такие стороны окружающего мира, которыми раньше пользоваться не умели. Но для такого развития техники требуется, во-первых, неустанный труд населения, предприимчивость и энергия, во-вторых, достаточный запас научных знаний и технической изобретательности. Увеличение густоты населения направляет внимание людей в эту сторону и таким образом служит мощным стимулом в деле создания культуры.

Но борьба за существование происходит и между самими членами каждого данного общества. В поисках заработка они начинают конкурировать друг с другом или вступают в прямую борьбу. В подобной борьбе успех имеют те, кто оказался более сильным и приспособленным к условиям жизни. Слабые погибают, сильные и приспособленные выживают. В этом состоит то явление, которое называется естественным отбором и на котором современная биология пытается построить учение о развитии животных видов.

Следует только помнить при оценке естественного отбора в человеческих обществах, что это явление здесь происходит в несколько иных условиях, чем в мире животных. Люди, во-первых, сознательно воздействуют на условия своего размножения. Они могут ослабить действие борьбы за существование и отбора, например, искусственным сокращением количества рождений, что иногда и имеет место в действительности, как уже было указано. Во-вторых, в человеческих обществах в борьбе за существование часто одерживают верх не лучшие в биологическом отношении индивиды, не самые способные и сильные, но, напротив, слабые биологически, которые оказываются сильными социально. Дело в том, что животное ведет борьбу за существование при помощи органов своего тела. Человек же есть животное, делающее орудия. Он при-

готовляет себе, так сказать, искусственные органы из предметов окружающего мира, начинает бороться за существование при помощи инструментов, машин, оружия. Поэтому в человеческом мире сильнейшим оказывается не тот, кто лучше вооружен от природы, но тот, у кого окажется в распоряжении больше орудий, того, что в политической экономии называется капиталом. А так как капитал распределяется между людьми на основании юридических норм о наследовании и обмене имуществ, то он часто попадает в руки биологически слабых людей, которые, пользуясь своим достатком, легко могут выжить за счет более сильных и способных. В человеческих обществах часто торжествуют богатые на счет бедных, физически слабые на счет физически сильных, духовно обделенные на счет даровитых и талантливых. Это приводит не к улучшению, а к ухудшению общества, к тому, что называется вырождением, обратным отбором.

Наконец, борьба за существование происходит между целыми социальными группами. Наиболее ярким выражением этой стороны дела бывают кровопролитные войны. Войны в истории никогда не прекращались. Менялись только поводы к ним и самые приемы вооруженной борьбы. Первоначально враждебные столкновения между общественными группами вызывались такими поводами, как кровная месть за обиды, добывание женщин и даже каннибальство. Затем эти поводы с переходом к более правильному хозяйству сменились стремлением расширить земельные владения, захватить рабов и просто грабительскими набегами. Сложившиеся в форме абсолютных монархий государства вели часто войны во имя чисто династических интересов, честолюбия правителей, стремления отвлечь внимание населения от вопросов внутренней политики. Развившийся мировой обмен создал новый повод к войнам: погоню за колониями и рынками для сбыта произведений промышленности. Приемы вооруженной борьбы менялись в зависимости от развития вооруженной техники. При этом все расширялись размеры армии, и война принимала все более характер действия больших масс. Личная храбрость и мужество уходили на второй план и все большее значение получали такие стороны дела, как искусное руководство действиями армии со стороны их штабов, как пути сообщения, дающие возможность легко перебрасывать с одного места на другое крупные воинские части и правильно снабжать их продовольствием и снарядами, как организация промышленности и общего порядка управления. Военные столкновения оканчиваются

обыкновенно в пользу тех народов, которые сумели создать для себя сплоченный и хорошо налаженный административно-промышленный механизм и проявить при его помощи то колоссальное напряжение общественных сил, которое требуется условиями военного времени. В этом смысле война является строгим экзаменом для всякого правительства.

Помимо войны между общественными группами действует и конкуренция. Государства соревнуются между собою в успехах своей торговли и промышленности, в культурном прогрессе. Они стараются отбить друг у друга рынки и местности, богатые сырыми материалами. Помимо борьбы с оружием в руках, эти цели достигаются и другими, более мягкими способами, причем большое значение получают хитрость и ловкость, умение приспособляться к меняющимся условиям жизни. Зомбарт делит народы на геройские (Hid-den) и торгашеские (Handler), смотря по тому, преобладает ли в их борьбе за существование фактор насилия или же хитрости и умения психическими средствами добиваться успеха в конкуренции.

Но не к одной только борьбе и конкуренции приводит увеличивающаяся густота населения. Одним из важных ее последствий часто бывает развитие разделения труда, которое приводит к важным результатам в жизни и структуре общества. Общество усложняется по своему составу, оно дифференцируется; в то же время взаимная связь его отдельных элементов усиливается. Социальная дифференциация обыкновенно идет рука об руку с интеграцией.

Разделение труда состоит в том, что занятия распределяются между отдельными элементами населения в качестве специальностей. Каждый член общества становится специалистом в каком-нибудь деле. Отдельные хозяйства перестают быть самодовлеющими, то есть собственными силами изготовлять себе продукты, в которых они нуждаются. Каждое хозяйство начинает специально заниматься одним каким-нибудь делом, например, изготовлять какие-нибудь определенные продукты, сбывать их излишек другим хозяйствам и взамен этого получать изделия других хозяйств. Таким образом разделение труда вызывает большую зависимость отдельных хозяйств друг от друга и развитие обмена. Хозяйство из натурального становится меновым.

Выгоды разделения труда очевидны. При этом режиме, прежде всего, все члены общества легче находят себе подходящие к силам, способностям и вкусам каждого занятия, так что общество получает возможность использовать и таких своих членов, которые преж-

де были для него бесполезны. Например, стариков нередко в первобытных обществах прямо убивают, так как кормить их бывает нечем, а работать они не могут; при разделении труда и для стариков находят более легкие работы. Затем, каждый член общества, становясь специалистом в каком-нибудь определенном деле, вырабатывает себе особую сноровку именно в этом деле и может обставить свой труд специальными техническими приспособлениями, необходимыми именно для этого труда. Это приводит к значительному повышению производительности труда. Вот почему разделение труда и оказывается одним из последствий увеличившейся густоты населения и возникающей отсюда необходимости лучше использовать окружающую природу. Общество, труд которого основан на его разделении, работает с гораздо большим успехом, чем натуральные или самодовлеющие хозяйства.

Разделение труда вызывает появление в обществе профессиональных классов. Специалисты в разных областях труда поставлены в неодинаковые условия существования. У представителей одной и той же профессии возникает много точек соприкосновения между собой; по отношению же к представителям других профессий они иногда попадают в конкурирующее или даже прямо враждебное положение. Так, земледельцы и землевладельцы заинтересованы в том, чтобы хлеб продавался возможно дороже; напротив, фабричные рабочие выигрывают от дешевой цены хлеба. На этой почве в сложных по составу обществах развивается классовая борьба. Представители каждого класса стараются оградить свои интересы и даже удовлетворить их на счет других классов. Так как этого легче добиться при помощи государственной власти, то начинается также борьба за власть или за близость к ней. При таких условиях часто возникает разница в положении классов господствующих, то есть близко стоящих к власти и на нее влияющих, сравнительно с остальным населением. Появляются классы привилегированные, то есть заручившиеся некоторыми особыми правами и льготами. Приобретая особые юридические права и преимущества, классы могут обратиться в сословия. Если принадлежность к классам становится наследственной, выход из классов и переход из одного класса в другой затрудняется или даже совсем запрещается, то мы говорим уже о замкнутых кастах; такие касты существовали в Индии и держатся там до сих пор, или в древнем Египте. Население императорского Рима было наследственно прикреплено к своим профессиям. Наследственное тягло лежало на

общественных классах и в Московской Руси. Общества, построенные таким образом, затруднены в своем развитии. Их строй делается довольно неподвижным, проникнутым вековой традицией. Разделение труда приводит к сильному разобщению друг от друга общественных классов.

Но разделение труда может явиться источником и демократизации общества, развития в нем духа гражданского равенства. Это бывает в тех случаях, когда процесс разделения труда сопровождается не усилением, но ослаблением действия общественной традиции. В таком направлении может действовать, например, появление больших городов, которые всегда выступают врагами неподвижной традиции. В таком случае разделение труда приводит к тому, что состав общества делается разнообразным, и все эти представители различных классов и профессий, не будучи разделены друг от друга замкнутыми сословными или кастовыми перегородками, постоянно встречаются между собой и вступают в сношения. При таких условиях, с одной стороны, каждая отдельная личность начинает лучше сознавать свои собственные особенности, которые не могут не сложиться в людях именно под влиянием различных занятий и различия в образе жизни. Сознавшая свою индивидуальность человеческая личность начинает стремиться к свободе. Чем больше в человеке отличий от других, тем больше простора для удовлетворения своих личных стремлений и вкусов желает он получить. Таким образом, стремление к личной свободе оказывается одним из последствий созданной разделением труда общественной дифференциации. Но в то же время каждый специалист не может не сознавать своей собственной недостаточности не только для общественной работы в ее целом, но даже для удовлетворения собственных нужд. Он вынужден постоянно прибегать к услугам представителей других профессий. Поэтому вместе с развитием чувства личности и индивидуальной свободы растет и чувство общественной солидарности. Развитие дифференциации, как сказано, сопровождается усилением социальной интеграции. Общество, состоящее из зависящих друг от друга специалистов, оказывается тесно сплоченным именно этой взаимной их зависимостью. Наконец, различные по своему общественному положению, по своей профессиональной подготовке, по своему образовательному уровню и по своим вкусам люди, будучи принуждены друг другу содействовать и помогать, тем самым приучаются к идее, что всякая человеческая личность имеет свою собственную ценность, что при

всех различиях между собой люди формально равны в смысле равноценности, хотя и не одинаковости. На этой почве вырастает принцип демократического равноправия.

Таким образом, социальное разделение труда при разных условиях может привести к разным последствиям. Оно может быть причиной возникновения неподвижного, проникнутого трудно меняющейся традицией сословного или даже кастового общественного строя; но оно же, при других условиях, оказывается источником чувства личной свободы и принципа демократического равенства. Во всяком случае, разделение труда, будучи само одним из последствий усиления густоты населения, приводит к усложнению состава общества, является важным фактором социальной эволюции.

Напротив, редкое население, особенно если оно не располагает хорошими путями сообщения, дает в результате вялый общественный процесс. Члены такой общественной группы вынуждены меньше бороться за свое существование, так как земли у них много, и они получают из нее достаточно продуктов без особого напряжения хозяйственной техники. Поэтому ни техника, ни разделение труда в таких обществах не развиваются интенсивно. Нет здесь достаточных стимулов вообще для изменения условий жизни. В таких обществах поэтому темп социального развития очень замедляется. Члены их привыкают жить и трудиться в одиночку. Им нет нужды находиться в особенно интенсивном общении друг с другом, да такому общению мешает дальность расстояний и плохое состояние путей сообщения. Поэтому у них не вырабатывается склонность и способность действовать сообща, подчиняться в своих действиях заранее выработанному плану и общественной дисциплине, жертвовать своими личными интересами на пользу общую. Такая непривычка к совместному действию затрудняет общественные выступления, даже когда в них возникает настоятельная потребность, например, когда приходится выступать против общего врага. В таких случаях члены общества с вялой социальной жизнью обнаруживают обыкновенно неумение объединяться и организоваться. У них не оказывается популярных вождей, которые внушали бы к себе общее доверие; у них нет умения распределять между собой различные роли в общем деле и соглашаться на какой-нибудь общей программе. Начинаются дразги и ссоры на почве личных счетов и принципиальных разногласий. Никто не доверяет своему соседу; так как все привыкли жить частными интересами и мало заботиться об общем деле, то никто не верит, что

его сосед в нужный момент принесет свою жертву на пользу общую, а при таких условиях ни у кого не развиваются дух самопожертвования и готовность рисковать. Всякий рассуждает так: если я пойду сам в момент опасности и принесу известную жертву, то сосед мой, наверное, не пойдет, я останусь одиноким со своим выступлением. Поэтому лучше и я освобожу себя от риска и займусь своими личными делами. Это приводит к тому, что подобное несплоченное и вялое общество легко делается добычей какого-нибудь внешнего врага или из себя самого порождает гнетущий деспотизм центральной власти. Властная организация забирает в свои руки все общественные дела и, не встречая сопротивления в расплывчатом обществе, начинает всячески его угнетать и эксплуатировать, причем все это делается не столько в интересах управляемого населения, сколько в интересах лиц, так или иначе пристроившихся ко власти. В этом заключается один из главных источников всякого политического деспотизма, а также и того явления, с которым мы уже отчасти познакомились и которое называется бюрократизацией управления. Хорошую иллюстрацию ко всему изложенному может представить процесс усиления царской власти и приказного управления в Московской, а затем и Петербургской Руси. Единодержавие было вызвано интересами военной обороны страны. Не встречая отпора своим притязаниям со стороны редкого, расплывчатого и несплоченного населения, центральная власть чрезмерно усилилась, подавила всякую общественную самодеятельность, и в России пышно расцвел деспотизм и бюрократизм.

Глава VII. Общественная традиция

С этим термином нам уже не раз приходилось встречаться в предыдущем изложении. Так называются те навыки, которые сложились в известном обществе и которыми в значительной степени определяется жизнь и поведение его членов. Живым существам, как мы знаем, свойственна способность создавать привычки; привычный образ действия механизмуется, уходит в подсознательную область и выполняется человеком без участия контролирующей работы сознания, без размышления. Такие привычки создают себе и целые общества. На почве воспитания младших поколений старшими образуется запас идеи и приемов действия, которые становятся привычными, с которыми постоянно приходится встречаться в общественной жизни. У людей имеется известная косность мысли и действия. Они предпочитают всегда освобождать себя от

лишнего размышления и риска. Поэтому, если есть возможность удовлетворить известной потребности, идя по проложенному уже и испытанному другими пути, человек обыкновенно отдает предпочтение этому пути, хотя бы следование по нему сопряжено было с известными неудобствами, хотя бы теоретически этот путь являлся вовсе не самым лучшим. Происходит тот самый духовный процесс, который заставляет нас, проходя, например, через лес, держаться протоптанной в нем тропинки, несмотря на все ее капризные и часто объективно ненужные и только удлиняющие путь изгибы; мы идем по этой тропинке просто потому, что она есть, потому что следование ей избавляет нас от труда сознательно отыскивать дорогу и от риска заблудиться. Общественная традиция тем только существенно отличается от лесной тропинки, что в ней всегда имеется известная доля принудительности, императивности: по тропинке в лесу для нас идти необязательно, общественной же традиции мы до известной степени вынуждаемся подчиняться. Дело в том, что члены общества, в котором выработались традиции, привыкают встречаться с таким традиционным поведением и в известных случаях жизни ожидают его друг от друга, строя на этом свои расчеты. Если эти ожидания обманываются, если член общества начинает вести себя не так, как «это принято» в данном обществе, как от него ожидается, то такое поведение раздражает окружающих и даже просто может оказаться для них невыгодным и опасным, нарушая все их расчеты. Так, например, если купец в своем поведении не считается с теми традициями, которыми определяется между купцами порядок доставки товаров или взаимных расчетов, то это может нанести существенный ущерб всем, кто с ним вступает в сношения. Такой нарушитель торговых традиций и обыкновений потеряет кредит, его начнут избегать, поведение его будет осуждаться. Да и вообще люди не любят, когда кто-нибудь начинает выделяться своим поведением, ведет себя так, как будто он умнее всех окружающих. Мощным оплотом традиций всегда бывает идея, что мы не умнее наших предков: если деды наши так жили, то почему же мы станем создавать для себя какой-то иной уклад?

Благодаря всем этим факторам общественная традиция может достигнуть очень большой силы и в значительной степени сделать устойчивым покоящийся на ней общественный уклад. Традиционные порядки часто отличаются очень большой прочностью, и их не так-то легко изменить. Между тем изменения прочных традиций часто бывают существенно необходимыми. Общество живет, со-

стояние его меняется, часто даже совершенно независимо от воли людей. Мы только что видели, к каким изменениям в жизни общества приводит такой фактор, как рост населения. Строение общества под влиянием этого фактора усложняется, отправления как всего общества, так и его отдельных членов меняются. Традиции, сложившиеся при ином укладе, становятся неподходящими к новому, и если продолжают упорно держаться, то могут оказаться очень вредными. Да и помимо таких не зависящих от воли человека изменений общественной жизни, человеческая мысль может прийти к заключению о ложности и вреде известной традиции, которой закреплены неправильные идеи или не вполне целесообразные приемы действия. В таких случаях начинается сознательная критика устарелой традиции. К счастью, традиции, хотя отличаются иногда большой силой сопротивления, все-таки допускают борьбу с собой, и традиционный уклад жизни может меняться. Традиция не так прочна, как инстинкт. Инстинкт является результатом биологического приспособления и наследственности; он коренится в самом строении живого организма, и изменить его можно лишь путем перемены этого строения, что достигается лишь очень длительным путем. Традиция же есть явление духовное; она возникает путем воздействия старших поколений на младшие и, как все духовные явления, более пластична и изменчива. Устройство человеческих обществ определяется в значительной мере не инстинктом, но традициями, а потому оно может меняться и постоянно меняется, уступая отчасти силам, действующим независимо от человеческой воли и размышления, отчасти же действию разрушительной критики, исходящей от человеческой сознательной мысли. Вот почему человеческие общества имеют историю, которой мы не встречаем в обществах животных. Пчелы сооружают свои ульи, муравьи организуют муравейники теперь совершенно так, как и тысячи лет тому назад; структура же человеческих обществ постоянно меняется, хотя темп этих изменений, конечно, бывает весьма различен. Встречаются такие общества, где берет перевес традиция, и которые поэтому пребывают в состоянии сравнительного застоя; но бывают и такие положения, когда жизнь общества получает бурный революционный характер, традиция ослабевает и общество быстро переходит к самым радикальным изменениям и потрясениям своего уклада, иногда в самых глубоких его основах.

Из этого не следует, конечно, чтобы традиция сама по себе и всегда была вредным явлением. Напротив, традиция в общественной жизни так же полезна, как привычки и навыки в жизни индивида. Мы видели, что польза привычек состоит в том, что их образование, разгружая сознание, тем самым дает простор его работе над другими проблемами. Совершенно то же самое делает общественная традиция для работы общественной мысли. Сверх того, традиция придает известную устойчивость и обеспеченность общественным отношениям. Если бы не было традиций, то людям трудно было бы что-нибудь предусматривать в общественных отношениях и строить какие-нибудь планы на будущее. Эти планы возможны лишь тогда, когда люди наперед знают, хотя бы в известной степени, чего им приходится ожидать от других людей, с какого рода поведением и образом мыслей им придется встретиться в том или ином случае. А такая уверенность может появиться только на почве устойчивых общественных традиций.

Традиция становится вредной лишь в том случае, когда она оказывается слишком закоренелой и не отвечает изменившимся условиям жизни. Против такой традиции приходится вести борьбу, так как она препятствует удовлетворению назревших потребностей. В защиту традиций, помимо вообще присущего людям духа косности, выступают еще представители тех общественных классов, которым почему-либо оказывается выгодна традиция, интересам которых общественная традиция служит. Эти классы обыкновенно поднимают борьбу в защиту «священных и неприкосновенных прав». На самом деле, конечно, никаких священных прав в абсолютном смысле нет. Все дела человеческие имеют относительную ценность, и нет такого социального института или обычая, которые не подлежали бы время от времени пересмотру, реформе или даже полному уничтожению в связи с меняющимися условиями жизни и с изменением представлений о справедливости. Вся задача разумного политика состоит в том, чтобы найти правильный путь между чересчур упорной традицией и слишком поспешными и радикальными преобразованиями, которые могут оказаться и недостаточно продуманными, и превышающими силы данного общества на данном его культурном и общественном уровне.

Традиция проникает собой решительно все области общественной жизни, конечно, в разной степени и с неодинаковой силой устойчивости.

Очень упорным характером отличается традиция в религиозной области. Как догматы, так, в особенности, культы всегда чрезвычайно устойчивы. Это объясняется тем, что в догматах видят откровение Божественной воли, которое представляется неизменным и не подлежит человеческой критике. Что же касается культа, обрядов, то с ними всегда связывается таинственная, до известной степени чудодейственная сила. Поэтому здесь всякая мелочь представляется имеющей значение. У древних римлян при жертвоприношениях употреблялся каменный нож, хотя с давних пор в обращении вошли металлические; при заключении брака употребляли хлеб из неочищенной муки, какую изготовляли в глубокой древности. Католическое и православное духовенство до сих пор ходит в одежде очень древнего покроя, и только протестантские пасторы заменили ее более современными сюртуками.

В области права традиция также имеет огромное значение. Источником права является не только закон, но и обычай. Обычай же есть чистое проявление общественной традиции. Известный образ действия, долго применяющийся на практике, становится традиционным и потому обязательным; мы уже видели, что общественной традиции присуща императивность. Если государственные суды начинают пользоваться таким привычным для населения правилом поведения для решения юридических споров, то это правило тем самым обращается в норму права. Сила такой нормы покоится не на повелении власти, но только на привычке к ней населения, которая и придает ей обязательность. Если же правило не получает применения в судах, то оно составляет норму не права, а общественных нравов, именуется не юридическим, но бытовым обычаем. За соблюдением его следит общественное мнение, и иногда следит весьма строго, так что люди, которые не считаются с общепринятыми нравами, вызывают общественное порицание и даже преследование со стороны общества. Таков характер всех общественных приличий и правил вежливости. Человек, который не считается с принятыми в обществе приличиями, может быть даже исключен из общественной среды. Иногда юридические обычаи и бытовые нормы поведения ведут свое начало от такой глубокой старины, что происхождение их малопонятно и для объяснений их приходится производить целые исследования. Так, поминальные обеды, которые до сих пор практикуются в некоторых кругах общества, являются несомненными остатками древней религиозной тризны по умершим.

С действием традиции приходится считаться даже и в таких областях, как промышленная и торговая техника и наука. Превосходство современных немцев перед англичанами в международной торговле состоит в том, что немцы оказываются не в такой степени, как англичане, связаны традиционными приемами и легче англичан приспособляются ко вкусам иностранных потребителей и купцов. Точно так же и в промышленности традиция часто мешает введению полевых усовершенствований. Русский крестьянин потому с таким трудом отрешается от традиционного трехпольного хозяйства, несмотря на его слабую продуктивность, что этому мешает его вековой навык, то обстоятельство, что ни он, ни окружающие его люди не могут даже представить себе иного способа ведения сельского хозяйства. В науке также имеются свои традиции, с которыми бороться нелегко. Часто новое открытие долго не находит себе общего признания, потому что оно не вяжется с традиционным мировоззрением ученой братии. Очень долго, несмотря на все успехи научного знания, даже ученые люди не могли отрешиться от веры в чудеса и в колдовство; эта вера держалась среди ученых еще в XVIII столетии. Долго не могла наука отрешиться и от антропоцентрических и геоцентрических представлений, то есть от взглядов, полагавших Землю центром Вселенной и человека целью всего мироздания. И в наше время в области этики и философии истории подобные взгляды еще сильно дают себя чувствовать, хотя успехи астрономии давно должны были показать истинное место человека и его обиталища – Земли – во Вселенной.

Традиция с неодинаковой силой проявляет свое действие в различных общественных классах, у разных народов и в разные исторические эпохи. Бывают народы с более консервативным складом характера, которые любовно относятся к своему прошлому и нелегко решаются на перестройку своих общественных отношений. У таких народов весь ход социально-политического развития получает характер постепенной и сравнительно мирной эволюции. Среди современных народов таким характером отличаются англичане. Бывают, напротив, народы, склонные к радикальным переворотам революционного характера. На такой путь вступила Франция в конце XVIII столетия. После великой революции Франции пришлось пережить еще три революции: в 1830, 1848 и 1871 гг. Но и при революционных переворотах приходится считаться с действием традиции. Революции никогда не удается вполне направить жизнь общества на новый путь. Когда остывает революционный порыв, традиция заявляет о своих правах и оживляет многое из старого укла-

да, временно устраненное революцией. Вот почему каждая революция сменяется реакцией в более или менее сильной степени.

Различные классы общества не в одинаковой степени подчиняются силе традиции. Наиболее консервативны, по общему правилу, классы сельские, как крупные, так и мелкие землевладельцы. Более склонны к переменам городские классы, а рабочий пролетариат больших городов обыкновенно является наиболее подходящим оплотом для революционных движений. Эти различия сами собой вытекают из условий жизни и занятий представителей этих общественных классов.

Крестьянское население обыкновенно отличается большим консерватизмом. Это объясняется тем, что людям приходится всю свою жизнь трудиться на одном и том же месте, ограничиваясь общением в очень узком кругу. Обрабатывая свою землю, крестьянин стоит в большой зависимости от природы, условия которой мало меняются и которая создает для его деятельности вполне определенные рамки, так что каждый шаг земледельца является наперед предопределенным временем года и состоянием погоды. Это создает над крестьянином особую устойчивую «власть земли», ярко описанную Г. И. Успенским в его очерках того имени. Прочная традиция, столь же малоподвижная, как и природа, под влиянием которой она сложилась, опутывает крестьянина со всех сторон и держит его во власти стародавних порядков.

Консервативным классом общества являются и крупные землевладельцы. Этим людям приходится иметь дело главным образом с недвижимым капиталом, который не приобретается их личными усилиями, но достается по наследству. Условия ведения сельского хозяйства довольно устойчивы и не требуют большого напряжения человеческой изобретательности; здесь обыкновенно достаточно держаться раз заведенного порядка. Особенно интенсивного общения с представителями других классов и местностей сельскому хозяину также не приходится иметь, поэтому кругозор его не может быть очень широким. Поэтому и для этого класса сохранение существующего порядка представляется обыкновенно и самым выгодным и наиболее естественным. Крестьянство иногда способно к стихийным выступлениям, когда его интересы чем-нибудь чувствительно нарушены. Крупные же землевладельцы по общему правилу выступают в качестве упорных защитников старого, традиционного порядка вещей. Гораздо более подвижны городские классы. Здесь создаются такие занятия, которые сами по себе способствуют подвижности мысли и расширению горизонта. Такое значение

имеет торговля, которая заставляет путешествовать, присматриваться к чужим порядкам и к характерам иноземцев. Это приводит всегда к мысли об относительности всех человеческих установлений и об их изменчивости, пробуждает критическое отношение к укладу жизни на родине. Затем обращение с движимым капиталом само по себе требует от человека большей подвижности мысли и воли, так как здесь постоянно приходится считаться с меняющимися условиями рынка. Если купец и промышленник не производит улучшений и изменений в своем деле в зависимости от изменяющихся условий жизни, то он рискует разориться. Далее, появление больших городов само по себе создает важный фактор, подрывающий господство традиций.

Большие города в значительной степени пополняются наплывом населения из деревни. Сюда, следовательно, прибывает молодежь, оторванная от старших поколений и попадающая в совершенно новые условия жизни. Таким образом, ослабевает влияние старших поколений на младшие, которое служит главным источником поддержания прочной традиции. Затем в больших городских центрах ослабевает сила общественного контроля за поведением отдельных жителей. В небольших поселениях вся жизнь обывателя протекает на глазах его соседей и каждый шаг его находится под строгим их контролем. При таких условиях требуется большое мужество и независимость характера, чтобы решиться жить не так, как все живут. В больших же городах часто даже ближайшие соседи не имеют понятия о взаимной жизни; здесь гораздо легче создавать для себя особый уклад жизни, идти новыми оригинальными путями. Наконец, в больших городах встречаются между собой представители самых различных профессий, классов, даже национальностей, сталкиваются разнообразные нравы и обычаи. Это не может не наводить мысль на сопоставление различных нравов, а такое сопоставление непременно будит критическую мысль. Сверх того, столкновение постоянных контрастов богатства и бедности служит к разжиганию классовой вражды. Вот почему представители городских классов обыкновенно отличаются либерализмом, являются сторонниками свободы, которая необходима для людей, работающих движимым капиталом. Что же касается городского пролетариата, то он обычно настроен радикально, и в его среде имеют успех программы, настаивающие на социальном равенстве, на уничтожении преобладания имущих классов и вообще неравномерного распределения богатств.

(Окончание следует.)